

Живая мода «Мертвых душ»

Поэма «Мертвые души» — не только о провинциальной жизни и похождениях Чичикова. Это повествование о русской моде, изменчивой и разнообразной

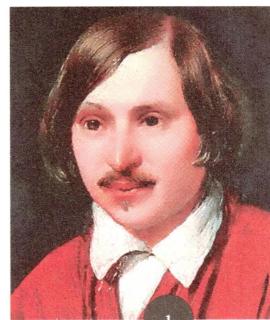
Щеголь Гоголь

Почти каждый герой «Мертвых душ» воплощает тенденции моды 1830-х — начала 1840-х гг. Дама, приятная во всех отношениях, словно срисована с модной гравюры. Манилов — сущий англоман. Ноздрев — олицетворение гусарского шика и стиля «туркери». Чичиков, хоть был немолод, одевался, что называется, с вывертом. Произведение не получилось бы стольозвучным моде, если бы сам его автор не был записным щеголем.

Буквально с гимназической скамьи Николай Гоголь пытался подражать лондонским и петербургским франтам, старательно следил за портновскими новинками, листал светские журналы и расспрашивал с пристрастием столичных знакомцев о том, что нынче у них считается *a'la mode*, а что устарело. В письмах своему приятелю Герасиму Высоцкому он задавал бесконечные вопросы: «Узнай, что стоит пошить самое отличное фрака по последней моде. Напиши, пожалуйста, какие модные материи у вас (в Санкт-Петербурге — АВТ.) на жилеты, на панталоны. Какой-то у вас модный цвет на фраки?»¹.

Но как ни старался, юный Гоголь не мог стать истинным франтом. Он перебарщивал с цветами, выбирая слишком кричащие, не умел правильно сочетать оттенки, носил фраки с карикатурно-пышными рукавами, раздражал местное общество своими клетчатыми подкладками, разноцветными шарфами, толстыми часовыми цепочками.

Лишь переехав в Петербург, Гоголь постиг искусство элегантного платья. Он стал тоньше разбираться в правилах хорошего вкуса, полюбил изысканный и сдержаный крой фраков, темные оттенки, изящные трости, щегольские перстни. Он понял, что ум надобен не только в литературной работе, но и в умении одеваться. И в том и в другом Николай Васильевич преуспел. Неудивительно, что именно в Петербурге, столице моды, писатель осознал, что костюм — это вторая кожа человека и прекрасное средство раскрыть характеры литературных персонажей. Поэтому каждый герой «Мертвых душ» одет по-особенному.



1



2

°1
А. Иванов. Н.В. Гоголь.
1841 г.

°2
П. Боклевский. Чичиков
в шинели «на больших
медведях». 1860-е гг.

Модный Чичиков

Прежде чем заняться скупкой мертвых душ, Павел Иванович Чичиков начальствовал на таможне, дослужился до чина коллежского советника, ни в чем не нуждался и, как отмечает Гоголь, «всегда не был чужд разных наслаждений». Среди этих «наслаждений» была и мода. Чичиков тратился на дорогие европейские одеколоны и мыло, сукно для фраков и сюртуков покупал

себе «такого, какого не носила вся губерния», не жалел денег на нижнее белье, предпочитая сорочки самого тонкого голландского полотна. Вокруг шеи он повязывал «шерстяную, радужных цветов косынку». Такие в то время носили английские и французские модники. Они назывались «белчерами» в честь Джеймса Белчера, звездного британского боксера, носившего вместо скучных черных галстуков пестрые шелковые платки.

Зимой Чичиков надевал символ своего высокого достатка — монументальную шинель «на больших медведях». В то время практически все чиновники носили единообразный тип шинели, которую именовали «николаевской» по имени правившего императора Николая I. Она имела стоячий воротник, пelerину и длинные рукава. Однаковые по крою, эти шинели, однако, серьезно отличались качеством сукна и отделкой. Если Акакий Акакиевич Башмачкин, protagonista повести «Шинель», смог заказать себе на воротник лишь куцую шкурку кошки, то Павел Чичиков щеголял в «николаевской» шинели, воротник и подкладка которой были на дорогом медвежьем меху. Весила такая вещь немало и стоила целого состояния. Упомянув ее, Гоголь тем самым подчеркнул финансовый достаток разбогатевшего на таможне чиновника.

Впрочем, Чичиков был мастером не только в воровстве, но и в искусстве одеваться. Он любил модные «красноватые с искрою» оттенки. Зайдя в лавку к торговцу тканями, Павел Иванович попросил сукно такого оттенка, чтобы «не к бутылке, а к брускине приближалось». И лавочник, вытащив нужный отрез, объяснил: «Отличный цвет. Сукно наваринского дыму с пламенем». Кажется, это единственный модный элемент повести, который неоднократно привлекал внимание историков костюма. О нем, в частности, подробно пишет в своих исследованиях Раиса Кирсанова, отмечая, что «наваринский дым с пламенем» — один из вариантов красного цвета².

Чичиков любит и оттенки коричневого. В этом пристрастии он не был одинок. В тот период коричневый считался одним из самых модных цветов мужского костюма. Популярным его сделал король Франции Луи-Филипп I, питавший, как и Чичиков, нежную любовь к коричневому. Любопытно, что выдуманный русский чиновник и настоящий французский монарх очень похожи друг на друга. И тот и другой «не красивец, но и не дурной наружности», «ни слишком толст, ни слишком тонок», «нельзя сказать, что стар, и не так, чтобы молод». Луи-Филипп правил Францией, когда Гоголь работал над «Мертвыми душами». О нем часто писала русская пресса, в том числе журналы мод. Вполне вероятно, что писатель заимствовал некоторые его черты и вкусы французского монарха, сочиняя своего Чичикова.



° 3

П. Боклевский.
Манилов.
1860-е гг.

° 4

П. Боклевский. Ноздрев.
1860-е гг.

Манилов в шалоновом сюртуке

Приехав в уездный город NN, представившись губернатору и местным чиновникам, Павел Иванович начинает свое хитроумное предприятие. Он разъезжает по поместьям, знакомится с их хозяевами, выкупает или получает даром мертвые души. Каждый помещик — яркий персонаж с говорящей фамилией и характерной внешностью. Какими бы провинциальными и отставшими от времени они ни казались, в каждом есть своя особая связь с модой.

Первый, кому Чичиков наносил визит, — Манилов. Гоголь сообщает, что он «белокур, с голубыми глазами, черты лица его были не лишены приятности». Он встречал Павла Ивановича на крыльце своей усадьбы, одетый в зеленый шалоновый сюртук. Даже этих нескольких слов достаточно, чтобы понять — Манилов был англоманом. Зеленый цвет, благодаря британцам, в те годы уже прочно обосновался в интерьерах и моде. Щеголи обустраивали в особняках green rooms — гостиные, затянутые обоями яблочного оттенка и уставленные мебелью с изумрудной обивкой.

Журнал «Московский телеграф» рекомендовал читательницам присмотреться к оттенку «распускающихся древесных почек»³, так как он «прелестен для выезда в ясные дни». Молодые люди франтили в сюртуках и рединготах цвета «крапивы». Возможно, сюртук Манилова такого же оттенка. Сшит он из шалона — легкой шерстяной ткани, названной по месту производства — французскому городку Шалон-Сюр-Марн. Шалоновые сюртуки часто упоминают русские журналы мод, при том для загородных прогулок рекомендуют выбирать сдержаные цвета, а для города — яркие.

Ноздрев в полосатом архалуке

Позже Чичиков знакомится с шумным и неуonomousенным Ноздревым, повесой, картежником, пьяницей и пройдохой. Ему под стать его стеганый полосатый архалук, изрядно поношенный и замасленный. Эта вещь имела отчетливо восточное происхождение и, вероятно, вошла



° 5

в русскую моду еще при Екатерине II во время русско-турецких войн. Халаты-архалуки носил в качестве домашней одежды князь Григорий Потемкин.

После русско-персидской и русско-турецкой кампаний 1820-х гг. полосатые архалуки стали особенно популярны, в том числе среди русских помещиков. И потому вполне естественно, что Ноздрев, повеса, картежник и по-своему щеголь, ходит в этом типе верхней одежды. Любопытно, что некоторые художники, иллюстрировавшие «Мертвые души», отталкиваясь от характера Ноздрева, изображали его вовсе не в архалуке, а эдаким гусаром — в расстегнутой венгерке и фуражке набекрень. Эти вещи не упомянуты в поэме, но смотрятся на повесе весьма органично.

Собакевич в мешковатом фраке

Михаил Семенович Собакевич, смахивающий на «средней величины медведя», кажется, совсем далек от мира моды. Однако даже его дурно сшитый мешковатый фрак был «совершенно медвежьего цвета», то есть коричневого оттенка и, значит, вполне соответствовал стилю тех лет.



° 6

Во время своего гран-тура по провинции Чичиков знакомится с помещицами — женой Собакевича, Феодулией Ивановной, и Настасьей Петровной Коробочкой. Обе одеты по провинциальному — в простые платья и чепцы. Супруга Собакевича, сев на диван, набрасывает на плечи мериносовый платок. Именно так, просто и по-русски, одеты помещицы на многочисленных портретах XIX века. Чепцы, шелковые платья темных оттенков, шали и пуховые платки, а также серьги и жемчужные ожерелья определяли облик русских провинциальных дам, жен купцов и землевладельцев.

Плюшкин в чем-то неопределенном

Единственный персонаж, не имеющий аналогов ни в моде, ни в живописи — это Степан Плюшкин. Подъезжая к его дому, Чичиков с первого взгляда даже не смог понять, кто перед ним — мужик или баба.

«Платье на ней было совершенно неопределенное, — пишет Гоголь, — похожее очень на женский капот, на голове колпак, какой носят деревенские дворовые бабы, только один голос показался ему несколько сиплым для женщины». Странной смесью женских и мужских элементов в костюме писатель усилил личные черты Плюшкина — патологическую склонность, обиду на весь мир и разочарование в жизни, которая давно уже потеряла для него смысл.

Дамы в зашнурованных корсетах

Завершив гран-тур по поместьям и занявшихся составлением необходимых бумаг, Чичиков больше времени проводит в светском обществе города NN. Его лучшие представительницы — «просто приятная дама» и «дама приятная во всех отношениях». Обе щеголихи и красави-

° 5

П. Боклевский.
Чичиков и Плюшкин.
1860-е гг.

° 6

П. Боклевский.
«Прекрасные дамы»
города NN. 1860-е гг.

цы, обе будто скопированы с журнальных гравюр. В описании их нарядов Гоголь демонстрирует свои глубокие познания в женской моде. Ни одна деталь не ускользнула от его внимания.

Он отмечает, что дамы города NN были «презентабельны» и соблюдали моду «в самых последних мелочах», опережая в этом москвичек и петербурженок. Они были по провинциальному полноваты, однако «шнуровались так искусно, что толщины никак нельзя было приметить». «Шнуроваться» означало затягиваться в корсет.

В конце 1830-х гг., когда Гоголь работал над поэмой, в моде были тонкие талии, да- мам приходилось терпеть жесткие узкие корсеты, а иные даже мучали себя диетами. Юбки год от года расширялись, и щеголихи города NN, как и прочие модницы гоголевской эпохи, носили кринолины с ватными жгутами или «руло», которые хорошо держали форму.

Повторяя парижанок, они заказывали платья из материй самых бледных оттенков, по которым, как сообщает Гоголь, «ленточные банты и цветочные букеты порхали там и там в самом картинном беспорядке». Об этом же пишут и журналы мод. «Креповое белое платье для бала, — отмечает «Московский телеграф», — украшают сверху донизу двумя полосками бантов из лент, цветы с зеленью — очень милое украшение, оно легко и просто»⁴.

Обнаженные плечи и шею дамы города NN прячут под батистовыми шарфами «легче пирожного, известного под именем поцелуя». Гоголь имел в виду особый тип полупрозрачного батиста, который, как и одноименное лакомство, называлось «безе», то есть поцелуй.

Приятные дамы города NN, как и столичные щеголихи, носят длинные перчатки и «митенки» (перчатки без пальцев). Парфюмы они предпочитают ровно такие, какие рекомендуют журналы мод — яркие, сладковатые и цветочные. «Одна дышала розами, — пишет Гоголь, — от другой несло весной и фиалками, третья вся насквозь была продушена резедой».

В описаниях аксессуаров прекрасных дам Николай Васильевич почти дословно повторяет заметки светских хроников. В конце 1830-х



7

° 7
Щеголь (справа) в модном халате-«баньяне» в турецком стиле. Иллюстрация из журнала моды. 1830-е гг.

гг. они отмечали невероятную популярность небольших легких шляпок с «баволетками», то есть с оборками из кружева или батиста. Они едва держались на головах, и журналисты призыва ли дам осторожнее прогуливаться в них по улицам во время ненастья. О том же пишет и Гоголь: «Легкий головной убор держался только на одних ушах, и казалось, говорил: «Эй, улечу, жаль только, что не подыму с собой красавицу!».

Кавалеры с галстучными булавками

Под стать щеголихам были кавалеры города NN, все как один, записные модники — стройные, тонкие, легкие и обходительные. Они красиво садятся возле дам, изящно с ними флиртуют, изъясняются на прекрасном французском, словом ничем не отличаются от столичных светских львов. «Некоторые, — отмечает Гоголь, — были такого рода, что с трудом можно было отличить их от петербургских, имели так же весьма обдуманно и со вкусом зачесанные бакенбарды или просто благовидные, весьма гладко выбритыеovalы лиц».

Чичиков, внимательно оценивавший костюмы этих франтов, заметил на одном из них манишку, застегнутую «тульскою булавкою с бронзовым пистолетом». Имелся в виду популярный в те времена аксессуар — галстучная булавка с длинной шпажкой и фигурной головкой. Ею украшали галстук или, как справедливо указывает Гоголь, застегивали манишку. Миниатюрная копия тульского пистолета, украшившая головку булавки, вряд ли выдумка писателя. Подобного рода аксессуары, в форме сабель, часов, военных касок, ампирных венков, во множестве создавали европейские ювелиры. Однако пока не удалось установить, производили ли галстучные булавки с пистолетами в самой Туле.

Вкусно, в подробностях описав щегольское общество города NN, Гоголь делает ему невероятно пышный комплимент: «Нет, это не губерния, это столица, это сам Париж!». Это, безусловно, ирония. Но в каждой шутке Николая Васильевича всегда скрыта толика правды. И его поэма «Мертвые души», какой бы фантастической и комичной она ни казалась, имеет прямую связь с современной модой, хотя она тоже была порой и комичной, и фантастической.

¹ Гоголь Н.В. Письмо Высоцкому Г.И., 26 июня 1827 г. Нежин // Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений, Т. 10. Письма, 1820–1835. М.; Л., 1940. С. 102.

² Кирсанова Р.М. Превращение фрака «наваринского

дыму с пламенем» // Гоголь: Материалы и исследования. М., 1995. С. 230–238.

³ Парижские моды. Журнал «Московский телеграф». 1834. № 4. С. 719.

⁴ Там же. С. 718.